page03_22,04_Layout 1 21.04.2015 15:01 Page 1

Земляки–ветераны Великой войны

Мы продолжаем публикацию материалов из сборника «Хранители памяти. Из неопубликованных воспоминаний земляков–ветеранов Великой Отечественной войны». Об этом сборнике мы уже подробно писали в нашей газете («Время» № 12 от 1 апреля 2015 года).

АРИСТОВ Виктор Николаевич

1911 – 1991

Рассказ по воспоминаниям ветерана его внука – В.В. Аристова

Мой дед, Виктор Николаевич Аристов, уроженец Порховского района Псковской области, не любил говорить о войне. В деревне, где он родился и прожил основную часть своей жизни, рядом с его домом стоял клуб. Еженедельно там показывали художественное кино. Летом – даже по два раза в неделю. Дед часто ходил в кино, усаживаясь на стул в первом ряду. Во время демонстрации фильмов о войне он скептически кряхтел и качал головой. Это было особенно заметно, когда в отдельных эпизодах противники советских солдат представлялись глупыми, трусливыми, тупыми «вояками», а наши бойцы и командиры – всегда смелыми, находчивыми и достаточно легко расправлявшимися со своими врагами. Причём быстро и без больших для себя потерь. После таких фильмов в ответ на мои расспросы, дед грустно улыбался и, махнув рукой, говорил: «Это ж кино...». И всегда переводил разговор на другую тему. Так же было и во время просмотров большинства фильмов о войне по телевизору.

Разговорился он только в последние годы своей жизни, в 1980-х, когда ему было за семьдесят. Мне было почти тридцать, я отслужил на флоте, поработал на производстве и теперь заканчивал учёбу на историческом факультете университета, считая себя уже достаточно знающим историком.

– На Великую Отечественную войну меня забрали 21 июня 1941 года, – начал однажды рассказывать дед в ответ на мои вопросы.

– Как 21-го? – опешил я. – Ты дедушка путаешь. Война началась 22-го, в воскресенье.

– Нет, сынок, – ответил дед. – Это была суббота, 21 июня.

Зная историю своей страны только по советским книгам, фильмам и официальным учебникам, я стал с ним спорить.

– Деда взяли 21-го, – вмешалась присутствовавшая при разговоре бабушка, Александра Васильевна. – Это была суббота. Ты же знаешь, что мы в деревне по субботам всегда топим баню. Так было и в тот раз. Баню стопили, а деду твоему помыться в ней не дали. Приехал нарочный из района и сказал: «Виктор Николаевич Аристов? Собирайтесь. Поедете со мной. Вы призываетесь на военную службу».

Только через несколько лет, когда наша страна стала более открытой, и появились новые публикации исторических документов о войне, я прочитал, что в Ленинградском военном округе, куда входил Порховский район, мобилизация запасных солдат действительно началась 21 июня. И мне до сих пор стыдно за тот спор со своим дедом...

Виктора Николаевича Аристова призвали за день до начала Великой Отечественной. К тому времени прошло всего несколько месяцев, как он вернулся с другой войны. С Финской. Уже после прорыва линии Маннергейма, за 6 километров под Выборгом, рядом с ним разорвалась мина, выпущенная из миномёта. Он получил множественные осколочные ранения. Долго лежал в госпитале. Вернулся домой к жене и двум детям (моему трёхлетнему отцу и его восьмилетнему брату), и тут – новая война.

На эту новую войну рядового Виктора Аристова призвали самого первого из всей – тогда ещё многолюдной – деревни. Он воевал под Ленинградом. Сначала был в охранении эшелона, который доставлял грузы из Ленинграда в Севастополь. Когда в сентябре 1941-го возвращался с эшелоном назад, немцы уже перерезали железную дорогу и замкнули кольцо.

Стремясь попасть в свою часть, дед и несколько его сослуживцев пошли к Ленинграду лесами и болотами. По пути, помимо труднопроходимой местности, им пришлось столкнуться с рядом проблем. Сначала их остановил какой-то командир. В рассказ о том, что они пробираются в Ленинград, чтобы вернуться в свою воинскую часть, ни деду, ни его товарищам он не поверил. Решил задержать этих солдат, подозревая их в дезертирстве. Дед, который был старшим в группе, ответил, что у них есть свой командир, и они должны выполнять его приказания. Пока же этот неизвестный начальник собирал своих солдат для задержания группы деда, тот вместе со своими товарищами ушёл по лесам дальше.

На какой-то лесной дороге они почти нос к носу столкнулись с немцами. Залегли в канаве. Немцы проходили совсем рядом. Один из наших солдат не выдержал напряжения и заявил, что он сейчас выйдет и сдастся немцам в плен, иначе они убьют его вместе с остальными, так как обязательно их заметят и откроют огонь. Вспоминая о данном эпизоде, дед рассказывал:

– Этот боец лежал в канаве рядом со мной. Я вытащил нож и сказал ему: «Попробуешь сдаться – зарежу. Как предателя». Услышав это, он замолчал и остался на месте. Когда немцы прошли, мы двинулись дальше и в конечном итоге пришли в Ленинград.

После этого дед служил в частях внутренней охраны Ленинграда. За несколько лет до своей смерти впервые рассказал мне о том, что в период блокады в Ленинграде было людоедство, что на улицах он и его сослуживцы находили людей, у которых были отрезаны части тела. В основном – у женщин. Был приказ расстреливать людоедов на месте. Но ему и его товарищам по караулу ни разу не удалось их захватить. Те успевали убежать, а ослабленные голодом солдаты не могли их догнать.

Потом деда отправили на передовую, защищать Ленинград от наступления врага на Карельском перешейке. Там его часть несколько раз бросали в атаку на вражеские позиции – каждый раз безуспешно и с большими потерями. Дед говорил, что ему очень повезло: он, кажется, был единственным, кто трижды ходил в атаку и возвратился живым, когда от роты в полторы две сотни человек в строю оставалось не более двадцати.

Однажды командир батальона ночью увёл всех солдат в тыл, в баню. На передовой в траншее оставил только двоих опытных бойцов – моего деда и ещё одного солдата. Чтобы создать у противника впечатление, будто на этом участке фронта по-прежнему стоит целый батальон, вдвоём они всю ночь носились от пулемёта к пулемёту и вели стрельбу короткими очередями.

Наверное, это был участок их роты, а не всего батальона, так как протяжённость батальонного фронта должна была составлять не менее полукилометра, а то и больше. Но даже если это были позиции только одной их роты, то для двоих человек оборона фронта длиной 150-200 метров – это тоже очень много. Как рассказывал дед, несмотря на зиму, к утру у него не только гимнастёрка, но и шинель вся была насквозь мокрой.

Батальон из бани утром вернулся. Вышестоящее начальство узнало об этом случае, и командир батальона куда-то пропал. По-видимому, был арестован. Ведь узнай противник, что оборону перед ним держат только два человека, он легко бы захватил русские позиции и мог прорвать весь фронт.

Дед был награждён медалью «За боевые заслуги». Но к моему стыду я не знаю, в какой именно части он служил и за что именно был награждён. Записи, которые я тогда делал, затерялись. В памяти сохранилось только самое яркое, без конкретных цифр и названий.

Дед говорил, что во время двух войн пули обходили его стороной. Только однажды одна из них сбила шапку, попав в самый верх и пройдя выше головы.

А в 1942-м или в 1943-м он второй раз получил множественные ранения осколками мины. Выжил чудом. Операцию делали в полевых условиях. Без наркоза. Дали выпить стакан спирта и сказали: «Терпи, солдат, если хочешь жить»...

После лечения в госпитале он был комиссован. Уехал из Ленинграда на костылях, с перебитой ногой и перебитой рукой.

Чтобы узнать, где находится в эвакуации его семья, должен был добраться до города Бугуруслана Оренбургской области. В ноябре 1941 года туда было эвакуировано Центральное справочное бюро СССР. Там находился архив с данными о гражданах, эвакуированных из областей страны, оккупированных врагом.

Ехал, стоя на одной ноге и костылях в тамбуре пассажирского вагона. Через стекло двери видел, как в вагоне на постелях лежат и смеются здоровые молодые лейтенанты. Никто из них не догадался уступить место солдату-инвалиду. Они считали себя большими начальниками и людьми на особом положении.

Только через сутки или двое проходивший по поезду майор, вероятно, дежурный по составу или комендант, поинтересовался у деда, где он воевал, откуда и куда едет и почему стоит на костылях в холодном тамбуре. Узнав, что дед ранен на фронте и не имеет места в поезде, майор возмутился, поднял в приказном порядке одного из этих лейтенантов и заставил уступить место раненому солдату Виктору Аристову. Лейтенант оказался очень самоуверенным и в общем нахальным. Даже на приказ майора он поднялся и уступил занимаемое им место не сразу.

Рассказывая об этом, дед, как всегда, добродушно улыбался, совершенно не испытывая ни к кому ни злобы, ни обиды. А потом, повторяя ещё раз эту историю, вспоминал майора добрыми словами.

По факту полученных на фронте ранений дед был признан инвалидом войны 2-й группы. В 1970-х годах ему хотели бесплатно дать от государства машину. Но он категорически отказался. Сказал, как же он будет ездить на машине, когда все остальные жители его деревни и соседних селений живут скромно и ходят пешком. Сказал, что ему будет стыдно перед людьми и поэтому он ни за что эту машину не возьмёт. Пусть её отдадут кому-нибудь другому. По этому вопросу даже на время поругался со своими родственниками, для которых получить в собственность легковой автомобиль было несбыточной мечтой. В этом споре дед, всегда добродушный и готовый поделиться со своей роднёй последним куском, победил. Продолжал ходить, опираясь на свой костыль, и ездить в район на вечно грязном и жёстком автобусе – «пазике», а то и на попутном грузовике.

На 40-летие Победы ему вручили орден Отечественной войны 1-й степени. Эту награду он принял с благодарностью. Очень гордился ею. И, безусловно, заслуженно. Он был единственным в деревне ветераном, имевшим военный орден. Кто-то, конечно, завидовал. Но один из стариков поколения деда, тоже призванный на войну, както сказал таким же, немногочисленным, старикам: «Виктор Аристов по праву заслужил свои награды. Он – настоящий боевой солдат. А мы-то с вами, честно говоря, за всю войну немца в глаза не видели. Все по тылам служили...»

Осколки у него в войну вырезали не все. Несколько штук, размером не менее полсантиметра, всю оставшуюся жизнь блуждали по его телу. Моя мама, Галина Максимовна, медик, работавшая когда-то в той же деревне заведующей медпунктом, предлагала: «Папа, давай я тебе сейчас вырежу этот осколок. Он ведь близко, прямо под кожей». Дед отвечал: «Доченька, давай завтра». А завтра этого осколка на том месте уже не было. Он уходил внутрь тела и появлялся через какое-то время совсем в другом месте. Так повторялось неоднократно.

Несмотря на то, что дед был инвалидом войны, и что в результате ранения одна нога у него стала на несколько сантиметров меньше другой, а мышцы правой руки перебиты, в колхозе, а затем и в совхозе он работал наравне со всеми другими, здоровыми. От зари до зари. И, как я хорошо помню, получал в день за свою работу... от 30 до 80 копеек. Заработок в 1 рубль считал большим...

До 1965 года в день 9 мая, если эта дата не выпадала на воскресенье, мой дед тоже работал. Потому что до того времени День Победы в Советском Союзе не являлся официальным государственным праздником. Ветераны, а вместе с ними и мой дед, отмечали его уже после работы.

Несмотря на то, что он был советским гражданином и ветераном двух войн, у моего деда до начала 1970-х не было паспорта. Он считался крестьянином, и по сталинскому закону от 1932 года паспорт ему не полагался. К нам, в город Кингисепп, он приезжал, имея на руках в качестве основного документа справку из сельсовета...

Когда у него уже был орден Отечественной войны, я спросил его:

– А тебе не обидно? Ты ведь столько раз бывал в разных переделках, а тебя наградили лишь тремя медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией». Ну, и ещё несколькими юбилейными. Хорошо, что, наконец, орден дали.

Дед посмотрел на меня, улыбнулся – он, вообще, был человеком добрым – и сказал:

– Да брось ты, сынок... Я ведь получил самую большую награду, какую только может получить солдат на войне. Я остался живым. А большинство из тех, с кем мне вместе пришлось воевать, погибли...

И добавил:

– Ты ж до конца так и не представляешь, что на той войне творилось в действительности...

ЗАДВОРНОВ Андрей Александрович

1921 – 2009

Задворнов А.А. родился 4 ноября 1921 г. в деревне Новоселка Борисоглебского района Ярославской области. Рано остался без отца, поэтому с ранних лет Андрею Александровичу приходилось много работать. Мать одна растила троих детей. С 15 лет жил у сестры в Ленинграде.

Когда закончилась советско-финская война (1939-1940), А.А. Задворнова вместе с братом в числе других рабочих направили на восстановление целлюлозного завода в почти полностью разрушенном городе Питкяранта в образованной Карело-Финской ССР. Провожая их, мама сказала, что, наверное, не увидит своих сыновей больше. Ее слова оказались пророческими: она погибла в блокадном Ленинграде.

14 марта 1941 г. Андрей Александрович был призван Борисоглебским РВК в армию. Великую Отечественную войну связист рядовой А.А. Задворнов встретил 22 июня 1941 года в г. Крупки Минской области Белоруссии. Его часть сразу же отправили по железной дороге в Борисоглебск (Воронежская область). Всем уже выдали карабины и патроны. Но в час ночи началась бомбежка эшелона. Было очень много убитых и раненых...

Добрались до Минска, когда немцы были уже на подходе к городу. Приняли бой, но силы были неравными, и с боями наши зенитные установки и пехота отступали до Брянска, заняли оборону на реке Десна.

Через месяц на машинах отправили в составе артиллерийского полка 152-мм пушек в Тамбов. После месячной учёбы перебросили под Москву, защищать столицу. *«Это были страшные, тяжелые бои»,* – вспоминал Андрей Александрович.

В составе 420-го армейского пушечного артиллерийского полка А.А. Задворнов прошёл всю войну. 23 сентября 1943 г. приказом НКО за № 285 этот полк был преобразован в 295-й гвардейский армейский пушечный артиллерийский полк. В числе других частей и соединений, наиболее отличившихся при освобождении г. Гомеля, ему было присвоено почетное наименование «Гомельский».

Андрей Александрович защищал Тулу, освобождал Орел, Мценск. В Белоруссии воевал в составе 1-го Белорусского фронта (командующий Г.К. Жуков). На реке Друть (правый приток Днепра в Белоруссии), во время восстановления связи, его контузило. Как тогда говорили, он «родился в рубашке».

Под вражеским огнем А.А. Задворнов корректировал удары артиллерии. Полк был очень мобильным, перебрасывался на самые сложные участки сражений. Андрей Александрович воевал и на Курской дуге.

Затем был Ковель, из него на запад – в Польшу и Германию. Задворнов участвовал в форсировании Одера, в строительстве через него моста. Враг все время взрывал этот мост, поэтому строить его приходилось несколько раз. Работа была тяжелой. Советские войска потеряли много боевой техники.

Андрей Александрович участвовал в освобождении Варшавы, Кракова, где много полегло его товарищей. Гибли командиры батарей, связисты, разведчики...

Ветеран вспоминал: *«Со смертью приходилось сталкиваться постоянно. Иной раз поднять голову было невозможно, пули свистели совсем близко. В такие моменты вся жизнь пробегала перед глазами... С папиросами было трудно, еды постоянно не хватало. Если убивало лошадь, ее тут же съедали. Мясо на войне было редкостью...».* Андрей Александрович часто вспоминал своего командира батареи – Рогозтака. Все бойцы его любили. После ранения командира и отправки его в лазарет, связь с ним потеряли...

И вот – Берлин! Рейхстаг! Сколько радости, ликования было, когда фашисты подняли белый флаг. Задворнов видел наших врагов с поднятыми руками: *«В большинстве это были совсем юные, 17-18-летние молодые парни, поставленные немецким командованием на защиту Берлина...»,* – вспоминал ветеран.

В день Победы 9 мая ефрейтор Андрей Задворнов расписался на стене Рейхстага.

Затем он добивал врага в Чехословакии. Навстречу ехали польские войска. Советские солдаты отмечали Победу вместе с ними.

А.А. Задворнов был награжден орденами Красного знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией», медалью Жукова.

В приказе подразделения за № 21 от 17 апреля 1944 г. о награждении медалью «За боевые заслуги» говорится: *«Старший телефонист 4-й батареи 295-го гвардейского армейского пушечного артиллерийского Гомельского Краснознаменного полка гвардии ефрейтор А.А. Задворнов 1 марта 1944 г. под сильным артобстрелом противника несколько раз исправил телефонные линии. На наблюдательном пункте командира батареи всегда обеспечивал бесперебойную связь, чем способствовал выполнению батареей поставленных огневых задач. Всегда отличался исполнительностью и дисциплинированностью».*

Домой, в Ленинград, Андрей Александрович вернулся в 1946 году. Узнал, что родителей нет в живых. Со временем обзавелся семьей, вырастил детей и приехал жить в Ополье Кингисеппского района. Работал конюхом в совхозе «Россия».

Супруга – Нина Николаевна Задворнова во время Великой Отечественной войны работала в военном госпитале в Томске.

Ушел из жизни Андрей Александрович 7 января 2009 г.

(Продолжение следует)

Продолжение. Начало в № 12